

ISSN 2949-6020

SAINTS CYRIL
AND METHODIUS INSTITUTE FOR
FOR POSTGRADUATE
STUDIES

ОБЩЕЦЕРКОВНАЯ АСПИРАНТУРА
И ДОКТОРАНТУРА
ИМ. СВВ. РАВНОАП.
КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

ASPIRATIO

JOURNAL OF
CHURCH AND HUMANITIES
STUDIES

ЖУРНАЛ
ЦЕРКОВНО-ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

2024. VOL. 1, № 2
ISSN 2949-6020

2024. Т. 1, № 2
ISSN 2949-6020

MOSCOW
2024

МОСКВА
2024

ББК 86.2

ISSN 2949-6020

ASPIRATIO. ЖУРНАЛ ЦЕРКОВНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
2024. Т. 1, № 2

Учредитель и издатель: Религиозная организация — духовная образовательная организация высшего образования Русской Православной Церкви «Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия»

Научный журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-86314 от 27.11.2023 г.

Издается с 2023 г., выходит четыре раза в год.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте:

<https://doctorantura.ru/science/magazine/>

Адрес редакции и издателя: 115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1

Тел.: +7 (495) 721-80-54, e-mail: ocad.aspiratio@patriarchia.ru

Секретарь редакции — Гриднева М. В.

Выпускающий редактор — Репкина А. В., дизайн — Вишнякова Е. Г., верстка — Кутепова Е. А., художник — Головина А. А., корректоры — Белова О. И., Мозжухина А. В.

Подписано в печать 30.09.2024

Формат 70х100/16. Бумага офсетная. 9 п. л. Тираж 200 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии

© Религиозная организация — духовная образовательная организация высшего образования «Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия», 2024

ISSN 2949-6020

ASPIRATIO. JOURNAL OF CHURCH AND HUMANITIES STUDIES
2024. Vol. 1, № 2

Founder and publisher: Religious Organization — Higher Theological Educational Organization of the Russian Orthodox Church “Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

Date of registration: 27th November, 2023. Registration certificate PI № FS77-86314.

Published since 2023. Quarterly Journal.

Rules for preparing articles, archive and additional information are available on the website:

<https://doctorantura.ru/science/magazine/>

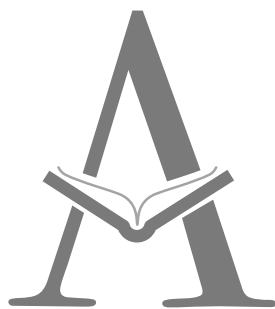
Editorial office and Publisher address:

Pyatnitskaya St., 4/2, building 1, Moscow, 115035

Ph.: +7 (495) 721-80-54, e-mail: ocad.aspiratio@patriarchia.ru

Printing run 200 copies.

© Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies, 2024

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

Maxim E. Kozlov, Archpriest —

Doctor of Theological Sciences (honoris causa),
Professor, Rector of the Saints Cyril
and Methodius Institute for Postgraduate Studies,
Moscow, Russian Federation

Responsible Editor: Evgeny A. Pilipenko —

Doctor theologiae, Docent, Professor of the
Department of Biblical and Theological Disciplines
and Vice-rector for Scientific Research of the Saints
Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies,
Moscow, Russian Federation

Andrey Y. Andreev —

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of Church History
and General Humanitarian Disciplines of the Saints
Cyril and Methodius Institute for Postgraduate
Studies, Professor of the Department
of Russian History of the XIX — early XX Century
of the Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation

Vladimir G. Bashkirov, Archpriest —

Doctor of Theology, Professor
at the Minsk Theological Academy and Institute
of Theology of the Belorussian State University,
Minsk, Belarus

Jennifer Wasmuth —

Doctor Theologiae, Uni-Göttingen Professor,
Chair of “Ecumenical Theology with
Special Reference to Orthodox
Christianity and Its Global Impact
in History and the Present”, Germany

Andrey Y. Vinogradov —

Candidate of Historical Sciences, Doctor
of Philological Sciences, Professor
of the Department of Ecclesiastical and Practical
Disciplines of the Saints Cyril and Methodius
Institute for Postgraduate Studies,
Professor of the School of Historical Sciences
of Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор:

Козлов Максим Евгеньевич, протоиерей —

доктор богословия (honoris causa),
профессор, ректор ОЦАД, г. Москва

Ответственный редактор:

Пилипенко Евгений Анатольевич —

доктор теологии (ThD), доцент, профессор
кафедры библейско-богословских дисциплин
и проректор по научной работе ОЦАД,
г. Москва

Андреев Андрей Юрьевич —

доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой
церковной истории и общегуманитарных
дисциплин ОЦАД, профессор кафедры
истории России XIX — начала XX в.
исторического факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова, г. Москва

Башкиров Владимир Григорьевич,

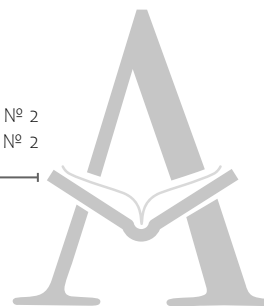
протоиерей — доктор богословия, профессор
Минской духовной академии и Института
теологии Белорусского государственного
университета, г. Минск, Беларусь

Васмут Дженнифер —

доктор теологии,
профессор Гёттингенского университета,
заведующая кафедрой экуменической
теологии со специализацией на изучении
православного христианства и его глобального
влияния в истории и в настоящем, Германия

Виноградов Андрей Юрьевич —

кандидат исторических наук,
доктор филологических наук, профессор
кафедры церковно-практических дисциплин
ОЦАД, профессор Школы
исторических наук ВШЭ, г. Москва

Mikhail S. Zheltov, Priest —

Candidate of Theological Sciences, Docent,
Head of the Department of Ecclesiastical and
Practical Disciplines of the Saints Cyril and
Methodius Institute for Postgraduate Studies,
Moscow, Russian Federation

Желтов Михаил Сергеевич,

священник — кандидат богословия,
доцент, заведующий кафедрой
церковно-практических дисциплин
ОЦАД, г. Москва

Vladimir N. Katasonov —

Doctor of Philosophical Sciences, Doctor
of Theological Sciences, Professor,
Professor of the Department of Biblical and
Theological Disciplines of the Saints Cyril and
Methodius Institute for Postgraduate Studies,
Moscow, Russian Federation

Катасонов Владимир Николаевич —

доктор философских наук,
доктор богословия,
профессор, профессор кафедры
библейско-богословских дисциплин
ОЦАД, г. Москва

Alexiy N. Marchenko, Archpriest —

Doctor of Church History,
Doctor of Historical Sciences, Docent, Head
of the Doctoral Studies Department, Professor
of the Department of Church History and General
Humanitarian Disciplines of the Saints Cyril and
Methodius Institute for Postgraduate Studies,
Moscow, Russian Federation

Марченко Алексей Николаевич,
протоиерей —

доктор церковной истории,
доктор исторических наук, доцент,
начальник отдела докторантуры,
профессор кафедры церковной истории
и общегуманитарных дисциплин ОЦАД,
г. Москва

Ekaterina D. Matusova —

Candidate of Philosophical Sciences, Research
Fellow of the Department of Biblical and Theological
Disciplines of the Saints Cyril and Methodius
Institute for Postgraduate Studies, Head
of the Department of Antiquity of IKVIA
of the Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation

Матусова Екатерина Дмитриевна —

кандидат философских наук, научный
сотрудник кафедры библейско-богословских
дисциплин ОЦАД,
заведующая кафедрой Античности
ИКВИА НИУ ВШЭ, г. Москва

Alexey M. Pentkovski —

Doctor of Oriental Ecclesiastical Studies
(Pontifical Oriental Institute, Rome), Professor,
Professor of the Department of Ecclesiastical
and Practical Disciplines of the Moscow
Theological Academy, Senior Researcher at the
Institute of the Russian Language of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Пентковский Алексей Мстиславович —

доктор восточных церковных наук
(Папский восточный институт, Рим),
профессор, профессор кафедры
церковно-практических дисциплин МДА,
старший научный сотрудник Института
русского языка РАН, г. Москва

Vadim V. Polonski —

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy
of Sciences, Director of the Gorky Institute of World
Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Полонский Вадим Владимирович —

доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, директор
Института мировой литературы
им. А. М. Горького РАН, г. Москва

Mikhail G. Seleznev —

Doctor of Philological Sciences, Professor
of the Department of Biblical and Theological

Селезнёв Михаил Георгиевич —

доктор филологических наук, профессор
кафедры библейско-богословских

Disciplines of the Saints Cyril and Methodius
Institute for Postgraduate Studies,
Docent of Institute of Classical Orient
of the Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation

Natalia S. Semenova —
Candidate of Juridical Sciences, Docent,
Docent of the Department of Ecclesiastical and
Practical Disciplines of the Saints Cyril and
Methodius Institute for Postgraduate Studies,
Moscow, Russian Federation

**Serafim (Vladimir L. Amelchenkov),
Bishop —** Candidate of Theological Sciences,
Doctor of Theological Sciences, Candidate
of Historical Sciences, Professor of the Department
of Ecclesiastical and Practical Disciplines
of the Saints Cyril and Methodius Institute
for Postgraduate Studies, Chair of the Synodal
Department for Youth Affairs,
Moscow, Russian Federation

Vadim G. Suvorov, Archpriest —
Doctor of Theological Studies, Rector
of the Kolomna Theological Seminary,
Kolomna, Russian Federation

**Filipp (Veniamin V. Simonov),
Archimandrite —**
Doctor of Economical Sciences,
Professor, Honored Economist of the Russian
Federation, Head of the Department
of Church History of the Faculty of History
of the Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation

Sergey L. Firsov —
Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Saint-Petersburg Theological Academy,
Saint-Petersburg, Russian Federation

Vladimir F. Khulap, Archpriest —
Candidate of Theological Sciences,
Doctor Theologiae, Docent,
Professor and Head of the Department
of Ecclesiastical and Practical Disciplines
of the Saint-Petersburg Theological Academy,
Dean of the Theological and Pastoral Faculty,
Vice-Rector for Academic Affairs
of the Saint-Petersburg Theological Academy,
Saint-Petersburg, Russian Federation

дисциплин ОЦАД, доцент
Института классического Востока
и Античности НИУ ВШЭ, г. Москва

Семёнова Наталия Сергеевна —
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры церковно-
практических дисциплин ОЦАД, г. Москва

**Серафим (Амельченков
Владимир Леонидович), епископ —**
кандидат богословия,
доктор теологии, кандидат исторических
наук, профессор кафедры церковно-
практических дисциплин ОЦАД,
председатель Синодального отдела
по делам молодежи, г. Москва

**Суворов Вадим Геннадьевич,
протоиерей —** доктор богословия,
ректор Коломенской духовной семинарии,
г. Коломна

**Филипп (Симонов Вениамин Владимирович),
архимандрит —**
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист Российской Федерации,
заведующий кафедрой истории Церкви
исторического факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова, г. Москва

Фирсов Сергей Львович —
доктор исторических наук,
профессор СПбДА, г. Санкт-Петербург

**Хулап Владимир Фёдорович,
протоиерей —** кандидат богословия,
доктор теологии, доцент,
профессор и заведующий кафедрой
церковно-практических дисциплин СПбДА,
декан богословско-пастырского
факультета, проректор по учебной
работе СПбДА, г. Санкт-Петербург

CONTENTS

♦ CHURCH PRACTICAL STUDIES

Artem R. Ayrapetov
Roman Legal Foundations of Ecclesiastical Legal Personality and Their Influence on the Ecclesiological Model of the Orthodox Church 8

Stepan V. Baranov
Restoration of the Autocephaly of the Georgian Church in the Controversy of the Archpriest Ioann Vostorgov and N. N. Durnovo 34

♦ THEOLOGICAL STUDIES

Yurij A. Kalmanov
The Divine Inspiration and the Authority of the Holy Scriptures in the Context of the Epistemology of St. Augustine 64

♦ CHURCH HISTORICAL STUDIES

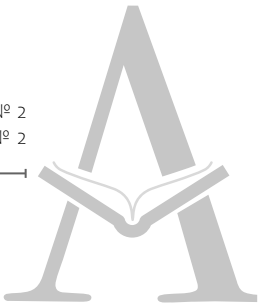
Sergey Zvonarev, archpriest
Participation of the Russian Orthodox Church in the International Peace Movement in the 1960s — Early 1970s 80

♦ TRANSLATIONS

Andrej Yu. Vinogradov
Encomium on Andrew the Apostle by Nicetas David Paphlagonian . . . 104

♦ BIBLIOGRAPHIC REVIEW

Valeriya R. Yakovleva
Review of the Collective Monograph “Soviet Identity and Problems of Religiosity: Orthodox Practices in the Daily Life of Soviet Citizens in the 1940s — 1980s” (ed. Apanasenok A.V. Kursk: Izdatelstvo ROSI, 2022) 124

СОДЕРЖАНИЕ

♦ ЦЕРКОВНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А. Р. Айрапетов
Римские правовые основания церковной правосубъектности и их влияние на экклезиологическую модель Православной Церкви 8

С. В. Баранов
Вопрос о восстановлении автокефалии Грузинской Церкви в полемике прот. Иоанна Восторгова и Н. Н. Дурново 34

♦ БОГОСЛОВСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. А. Кальманов
Богодухновенность и авторитет Священного Писания в контексте эпистемологии Августина Блаженного 64

♦ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

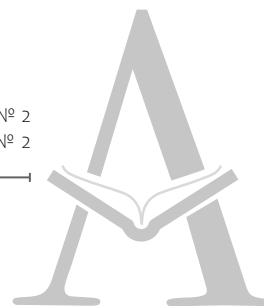
Сергий Звонарёв, протоиерей
Участие Русской Православной Церкви в международном движении сторонников мира в 1960-х — начале 1970-х гг. 80

♦ ПЕРЕВОДЫ

А. Ю. Виноградов
Похвальное слово апостолу Андрею Никиты Давида Пафлагонянина 104

♦ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ

В. Р. Яковлева
Рецензия: Коллективная монография «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е — 1980-е гг.» (ред. А. В. Апанасёнок. Курск: Издательство РОСИ, 2022) 124

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 655.552

**РЕЦЕНЗИЯ: КОЛЛЕКТИВНАЯ МОНОГРАФИЯ
«СОВЕТСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И ПРОБЛЕМЫ
РЕЛИГИОЗНОСТИ: ПРАВОСЛАВНЫЕ ПРАКТИКИ
В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ГРАЖДАН СССР
В 1940-Е — 1980-Е ГГ.» (РЕД. А. В. АПАНАСЁНОК.
КУРСК: ИЗДАТЕЛЬСТВО РОСИ, 2022)**

Валерия Руслановна Яковлева

Аспирант.
Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых Кирилла и Мефодия.
Россия, 115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1.
ya.valeria2001@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-3303-558X>

АННОТАЦИЯ. В настоящей рецензии анализируется вышедшая из печати в 2022 г. в Курске коллективная монография «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е — 1980-е гг.». Авторский коллектив монографии провел исследование религиозной идентичности советских граждан в послевоенный период на основании изучения документов советского периода, публикаций в печати, а также анализа анкет, полученных в рамках полевых исследований. Итогом работы стало выдвижение оригинальной гипотезы: если не брать во внимание официальную антирелигиозную риторику советской власти, а обратиться к «низовому» уровню, окажется, что в советское время не было жесткого противостояния коммунистического и религиозного мировоззрения, а, напротив, имело место смешение и взаимодополнение этими установками друг друга. В данной работе излагаются основные тезисы рецензируемой монографии и приводится критика ряда ее положений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: СССР, советский человек, религия в СССР, Православие в СССР, история РПЦ в Новейшее время, мировоззрение, идентичность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Яковлева В. Р.* Рецензия: Коллективная монография «Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е — 1980-е гг.» (ред. А. В. Апанасёнок. Курск: Издательство РОСИ, 2022) // *Aspiratio*. 2024. Т. 1, № 2: 124-141.

RESEARCH ARTICLE

UDC 655.552

**REVIEW OF THE COLLECTIVE MONOGRAPH
"SOVIET IDENTITY AND PROBLEMS OF RELIGIOSITY:
ORTHODOX PRACTICES IN THE DAILY LIFE OF SOVIET
CITIZENS IN THE 1940S — 1980S." (ED. APANASENOK A.V.
KURSK: IZDATELSTVO ROSI, 2022)**

Valeriya R. Yakovleva

Postgraduate student.

Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies.

Pyatnitskaya ulitsa, 4/2, building 1, Moscow, 115035, Russian Federation.

ya.valeria2001@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0001-3303-558X>

ABSTRACT. This review analyzes the collective monograph "Soviet Identity and problems of religiosity: Orthodox practices in the daily life of citizens of the USSR in the 1940s — 1980s", which was published in 2022 in Kursk. The author's team of the monograph conducted a study of the religious identity of Soviet citizens in the post-war period based on the study of documents of the Soviet period, publications in the press, as well as the analysis of questionnaires obtained as part of field research. The result of the work was the nomination of an original hypothesis: if we do not take into account the official anti-religious rhetoric of the Soviet government, but turn to the "grassroots" level, it turns out that in Soviet times there was no fierce confrontation between the communist and religious worldviews, but on the contrary, there was a mixture and complementarity of these attitudes with each other. This paper presents the main theses of the reviewed monograph and provides criticism of a number of its provisions.

KEYWORDS: USSR, Soviet man, religion in the USSR, Orthodoxy in the USSR, the history of the Russian Orthodox Church in Modern times, worldview, identity

FOR CITATION: *Yakovleva V.* “Review of the collective monograph «Soviet Identity and Problems of Religiosity: Orthodox Practices in the daily life of Soviet Citizens in the 1940s — 1980s.» (ed. Apanasenok A.V. Kursk: Izdatelstvo ROSI, 2022)” // *Aspiratio*. 2024. Vol. 1, № 2: 124-141.

ВВЕДЕНИЕ

Коллективная монография (авторский коллектив — А. В. Апанасёнок, А. Ю. Бубнов, С. А. Кравченко, иерей П. Лизгунов, И. С. Пудякова) посвящена исследованию бытовых аспектов жизни православных христиан в указанный временной отрезок. Свое масштабное исследование авторы начали в 2021 г. по итогам одноименного проекта. Выбор временного периода с 1940 по 1980 гг. был обусловлен тем, что, по мнению исследователей, именно в 1940-е гг. начала формироваться советская идентичность в современном ее понимании, а также тем, что церковно-государственные отношения в данный период характеризовались относительной стабильностью.

Как отмечают сами авторы, мотивацией к организации данного исследования послужило ненамеренное, но масштабное искажение прошлого при рассмотрении религиозной составляющей жизни советских граждан¹. Хотя, согласно представлениям идеологов Советского государства, религиозность должна была постепенно исчезнуть в секулярной реальности, на практике нельзя отрицать того, что религиозная жизнь являлась значимой составляющей общественного бытия советских граждан. Причиной такого искажения авторы считают использование ошибочной или местами неточной методологии, которая основана на рассмотрении историографии страны через призму господствующего институционального подхода. Это подход, при котором в дихотомии «общество — государство» первому отводится второстепенная роль пассивного и «претерпевающего» субъекта, второе же, напротив, рассматривается как актор, прикладывающий

¹ Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е — 1980-е гг. Курск, 2022. С. 10.

усилия, в определенном смысле — демиург, свободно форматирующий социум по собственному усмотрению. На этом допущении и строится противопоставление «православной» Российской империи и «атеистического» СССР, где официальный религиозный курс государства в сущности рассматривается как единственный выразитель религиозности общества.

Фокус подавляющего большинства исследователей (например, Е. Ю. Зубкова, Н. Б. Лебина) анализируемой эпохи на действиях атеистической власти сформировал пробел в изучении религиозного состояния общества, следствием чего стало практически полное отсутствие работ, посвященных рассмотрению повседневных религиозных практик советского социума. Авторы данной монографии, в свою очередь, предлагают использовать междисциплинарный инструментарий, который открывает возможность рассмотреть конфессиональную историю прежде всего через религиозные аспекты жизни простых советских граждан.

Структурно книга состоит из предисловия, введения, десяти глав, заключения и приложений, в которых представлены документы советского времени, освещающие различные аспекты церковно-общественных отношений.

АНАЛИЗ МОНОГРАФИИ

В первой главе, посвященной статистическим данным о православной культуре послевоенного СССР, рассматриваются факты, свидетельствующие о том, что в послевоенные десятилетия участие в православных обрядах оставалось нормой для большей части граждан в традиционно православных регионах Советского Союза. Несмотря на то что советским руководством как на местах, так и на общегосударственном уровне предпринимались попытки показать в статистике неуклонное снижение количества проводимых в стране обрядов, недостоверность этих данных признавалась даже теми, кто эту статистику формировал.

Исследования, проводимые на макроуровне, показали явный интерес и стремление граждан СССР к всяческому сохранению православной культуры на бытовом уровне, что противоречило исследованиям на локальном уровне. В качестве доказательства этого тезиса авторы приводят данные Всесоюзной переписи населения 1937 г., в опросник которой был

включен вопрос об отношении к религии. Несмотря на все потенциальные страхи опрашиваемых за свою безопасность и комфортное существование, выяснилось, что среди неграмотных дееспособных граждан верующими православными христианами были 67,9%, среди грамотных — 79,2%. В 1978 г. советские социологи оценивали долю верующих в пределах 15–20%, тогда как в 1988 г., в год празднования 1000-летия Крещения Руси, глава Совета по делам религий К. М. Харчев констатировал, что 70% населения признают себя верующими. Авторы подчеркивают, что имеется ряд достоверных фактов, свидетельствующих, что советская власть намеренно занижала масштабы религиозности, декларируемой гражданами².

Помогала подобному занижению и существовавшая практика маркировки граждан такими позициями, как «колеблющиеся», «индифферентные», «неопределившиеся» и «носители отдельных религиозных предрассудков». Практика использования этих понятий широко распространилась к 60-м гг. прошлого века. Примером их употребления может выступать опрос 1966 г., где имел место вопрос о вере в Иисуса Христа. Около 17% опрошенных заявили, что «допускают» Его существование, 19% ответили, что «сомневаются». Специалисты объединили две эти подгруппы в категорию «колеблющихся»³.

Также авторы приводят статистические данные об открытии православных храмов в разные периоды существования Советского Союза и проведении православных обрядов – крещений, венчаний, отпеваний. Касательно обрядов имеют место статистические сведения о регистрации рождений, браков, смертей, взятые в органах ЗАГС, и данные, собранные в социологических опросах, которые отражали совершение треб по месту жительства граждан. Уникальность работы, проведенной авторами исследования, заключается в том, что они сумели сопоставить данные опросов со сводками Совета по делам Русской Православной Церкви (СДРПЦ) за период антирелигиозной хрущевской кампании. Необъективность данных в указанных сводках признается даже теми, кто вел эту статистику. К примеру, в 1959 г. в Курской области было открыто крещено 48% родив-

² Советская идентичность и проблемы религиозности... С. 22.

³ Там же. С. 27.

шихся, в Кировской — 56%, во Владимирской — 39%, в Ярославской — 60%. Официально учтенное количество отпеваний было чуть меньше, но в целом сопоставимо с количеством крещений. Статистика церковных браков по отношению к показателям послевоенных лет во многих регионах выглядела выше. Авторы приводят показатели в регионах Западной Украины: в Черновицкой области было зафиксировано 3188 венчаний на 8143 зарегистрированных браков, в Волынской области — 2308 венчаний на 8600 браков⁴.

Вторая глава монографии раскрывает социальную составляющую жизни верующих, дает социологические сведения о православной религиозности в Советском Союзе. Советские власти настаивали, что верующий в СССР обладает следующими характеристиками: пожилой возраст, дефицит образования, низкая степень вовлеченности в политические и культурные коллективные мероприятия на производстве. Данный дискурс был призван внушить советскому гражданину нежелание интегрироваться в православную среду. Характеристики созданного советской властью образа верующего подтверждались социологическими опросами: в частности, в 1960-х гг. был проведен ряд исследований, которые показывали наглядную картину преобладания верующих среди неквалифицированных рабочих, в то время как среди работников умственного труда их было в 14 раз меньше. Для объяснения распространенности религиозности в сельской местности существовал тезис о связи религиозной веры крестьян с их консерватизмом и, что главное, с безысходностью, в которую веками были погружены жители села.

Авторы монографии доказывают, что широко тиражированное представление о том, будто бы православная традиция — это «удел пенсионеров и домохозяек», было не вполне корректно: на протяжении 1940–1980-х гг. интерес к вере демонстрировали представители всех слоев советского общества, в том числе интеллигенции, что неоднократно констатировалось уполномоченными СДРПЦ.

Также в этой главе рассматривается феномен женской религиозности в СССР, который можно было объяснить как минимум численным преимуществом женщин над мужчинами в послевоенные годы. Но советской

⁴ Советская идентичность и проблемы религиозности... С. 37.

власти было гораздо удобнее считать, что женщины выбирают религиозность в силу своей «закостенелости» в быту. Авторы же подчеркивают, что истинная причина кроется не в глубокой погруженности в домашнее хозяйство, а (помимо численного преимущества) в психологических особенностях женщин, для которых характерно более острое эмоциональное восприятие, что также является их преимуществом. Исследователи также дают возможность рассмотреть мотивы участия советских граждан в православных обрядах — приводится статистика мотивов крещения детей, мотивов венчания⁵.

Далее предпринимается попытка проанализировать историю бытования православной культуры в среде советского крестьянства послевоенного периода с опорой не столько на представление о конфронтации «советского» и «религиозного», сколько на допущение их сосуществования и взаимовлияния. Выясняется, каким образом традиционная конфессиональная культура села адаптировалась к реалиям «развитого социализма». Для этого поставлены несколько вопросов. Насколько серьезным был «православный ренессанс» послевоенных лет и как он сочетался с развитием социалистических отношений в деревне? В чем преимущественно проявляла себя традиционная конфессиональная культура? Как относились к этим проявлениям руководящие сельские кадры и насколько они были готовы практически воплощать антирелигиозную политику государства? Можно ли говорить о противопоставлении в среде сельчан новой советской культуры культуре традиционной, основанной на религиозных устоях? Наконец, поменялась ли стратегия взаимодействия с прихожанами у сельских клириков?

Исследователи наглядно показывают эволюцию отношения сельских жителей к религиозным традициям. В 1940–1950-е гг. советский проект в сельской местности развивался в условиях идеологических деклараций партийных работников, с одной стороны, и повседневной работой, борьбой за существование обычных людей, с другой стороны. Именно поэтому традиционность в ее религиозном смысле не теряла своего авторитета и в «новом мире». Так, повсеместной в селах являлась практика крещения детей. До коллективизации активно проводились обряды,

⁵ Советская идентичность и проблемы религиозности... С. 67.

связанные с благословением сельскохозяйственных угодий, испрашиванием благоприятных погодных условий.

Начиная с 1950–х гг. набирает обороты так называемое народное православие, в рамках которого жители сел устраивали массовые паломничества, например, к «святым» водным источникам. Подобные практики активно поддерживались сельскими руководителями, невзирая на запрет внехрамовой религиозной деятельности.

Авторы приводят в качестве доказательства отчеты местных уполномоченных СДРПЦ, в которых имеются многочисленные указания на «равнодушие», «попустительство» и «халатность» местных руководителей. Сельский контингент, вне зависимости от того, признавали ли люди себя верующими, считал общепринятой нормой иметь в домах православные иконы. Неоднозначными были и результаты диагностики религиозности сельчан — так, например, по результатам опросов, организованных райкомом КПСС Курского района Курской области в 1971 г., выяснилось, что верующими себя считают почти 68% опрошенных, а «колеблющиеся» — 15%. При этом 95% признали факт крещения детей в своей семье⁶. Многие сельские приходы на практике пытались продемонстрировать приверженность синтезу конфессиональных и советских ценностей. Священники придерживались мнения о том, что советская идеология вполне соответствует православным нормам в отношении организации общественной жизни. Именно этот факт делал православную культуру не такой «вредоносной» в глазах рядовых коммунистов, как она изначально позиционировалась представителями советской власти. Поэтому многие сельские коммунисты считали нормой открытое демонстрация атрибутов православия в своем быту: например, в одном из партийных докладов времен хрущевской антирелигиозной кампании отмечалось, что в домах верующих можно одновременно обнаружить и программу Коммунистической партии, и молитвослов. Таким образом, советское село во многом не соответствовало образу «нового мира», создаваемого официальными идеологами. Православные традиции объединяли крестьян даже вне зависимости от их принадлежности к православию. Включенные в обиход культурные советские традиции не воспринимались людьми

⁶ Советская идентичность и проблемы религиозности... С. 88.

глубоко, в отличие от традиций религиозных. Последние, в свою очередь, стали насыщаться новыми смыслами, образуя так называемое сельское православие.

Давая оценку данному разделу, следует особо отметить два момента. Во-первых, инициатива по созданию симбиоза социализма и православия исходила всегда снизу. Нельзя сказать, что советской власти сложившееся положение дел нравилось, скорее она была готова мириться с ним в большей мере, нежели с ситуацией, когда крестьяне в селе уходили бы в явное противостояние с советской властью с целью сохранить религиозную идентичность. Второй значимый момент — получившийся в итоге продукт — мировоззрение «двойственной идентичности», в сущности, имеет мало отношения к православному мировоззрению как таковому. Наличие элементов православной идентичности в таком эклектичном мировоззрении скорее способствовало не сохранению православной культуры, а размыванию ее секуляризмом. Результаты этой тенденции заметны на постсоветском пространстве до сих пор — множество людей, идентифицирующих себя в качестве православных христиан на фоне крайне малого количества людей воцерковленных и хорошо знакомых с православным вероучением.

В четвертой главе проводится анализ источников 1940-х — 1980-х гг. и доказывается, что интерес советской молодежи к православной культуре и практикам в данный период был намного выше, чем представлялось в официальных источниках. В местах, где прослеживался явный дефицит православных священнослужителей и храмов, молодежь была неотъемлемой частью «народного православия».

Активное участие детей и молодежи в таких праздниках, как Рождество, Крещение и Пасха, способствовало передаче им конфессиональных традиций. Именно в эти дни храмы были переполнены, и школьный контингент также был неотъемлемой частью молящихся. Исследователи отмечают проникновение конфессиональных тенденций и в светские праздники. Примером может послужить День знаний, 1 сентября, накануне которого многие исповедовались, причащались и сугубо молились пророку Науму ради успехов в учебе⁷.

⁷ Советская идентичность и проблемы религиозности... С. 111.

«Церковный ренессанс» послевоенных лет привел к массовым крещениям до этого некрещеных школьников и притоку учащихся в храмы. Хрущевская антирелигиозная кампания снизила уровень присутствия молодежи в публичном церковном пространстве, однако не уничтожила у молодых людей интерес к религии в целом. Большую роль в поддержании этого интереса играл полупатриархальный уклад семейной жизни, который сохранялся и в советские годы. Рост интереса к культурно-историческому наследию, проявившийся в 70–80-е гг., а также частичное разочарование в жизнеспособности советской культуры стали дополнительными факторами интереса к православию со стороны молодежи позднесоветского периода.

Важным фактором воспроизводства православной культуры, по мнению авторов монографии, являлись церковные праздники. Советские граждане не считали факт следования церковному календарю противоречащим официальной государственной политике, хотя чаще всего на словах отрицали свое положительное отношение к религиозным праздникам. Следование советским ценностям, как и участие в советских гражданских ритуалах, не противоречило в глазах многих из них участию в православных ритуалах, таких как посещение храма для освящения куличей, целование плащаницы или молитва святому покровителю на престольный праздник.

Как правило, люди со сформированной советской идентичностью стремились опереться на общие для христианства и коммунистической идеологии нравственные ценности, подчеркивая своим участием в православных торжествах приверженность идеалам добра, справедливости и мира. Что касается поддержания традиции празднования православных праздников, здесь особо выделяется Пасха: количество желающих попасть в храм для освящения куличей или участия в ночном богослужении, как правило, превышало количество людей, вмещающихся в храмовое пространство. Празднование Пасхи было естественным для представителей разных возрастных и гендерных групп.

Исследуя положение традиционной конфессиональной культуры в условиях «развитого социализма», авторы отмечают, что советская модернизация на первых порах стала разрушительным для традиционной конфессиональной культуры фактором, так как подразумевала

радикальное перевоспитание личности, победу над старыми предрассудками и формирование в массовом сознании культа научных достижений.

С одной стороны, в результате тотальной урбанизации Церковь уступила архитектурное доминирование дворцам культуры, дворцам пионеров, домам Советов и прочим атрибутам «безрелигиозного городского ландшафта». Утвердилось секулярное поведение, ряд религиозных практик деформировался, например, у индивидуальной исповеди появился коллективный аналог, и ввиду нехватки священников возникло такое явление, как проведение богослужений мирянами. Анализ анкет, полученных в рамках полевых исследований, показал⁸, что в позднесоветский период православные традиции поддерживались в семьях, где присутствовала выстроенная коммуникация со старшими родственниками. При этом в интеллигентных семьях православие сохранялось наиболее полно. Кроме того, интеллектуальный и культурный прогресс стимулировал разрушение антирелигиозного идеологического диктата, пробуждал интерес граждан к культурно-историческому (в том числе — православному) наследию, формировал новые каналы распространения информации о православной культуре, которая стала проникать в повседневную жизнь граждан через литературу, музыку, музеи и туристические поездки.

Глава седьмая, в которой соотносятся православная культура и советский уклад жизни, раскрывает противоречивую ситуацию: у большинства советских граждан в силу государственной политики и процессов модернизации оставалось все меньше возможностей для приобщения к полноценной церковной жизни, но одновременно с этим православные образы стали чаще входить в их повседневную жизнь через литературу и кино. Это обстоятельство стало одним из факторов формирования у населения представления о неразрывной связи национальной истории с православием, и, как следствие, стремления к сохранению православной идентичности.

Авторы приводят результаты анкетирования, проведенного в 2022 г.⁹, в котором явно прослеживаются уважение к представителям старшего поколения, придерживающимся религиозного традиционализма, а также

⁸ Советская идентичность и проблемы религиозности... С. 155–160.

⁹ Там же. С. 187.

воздействие конфессиональных устоев на употребление пищи, например, выбор постных блюд или воздержание в пище в принципе. Также явным признаком живучести православных устоев были распределение браков по месяцам (выбор даты бракосочетания в зависимости от церковного календаря) и целование икон новобрачными.

Отдельная глава посвящена проблеме «примирения» христианства и советской культуры в контексте существования Русской Православной Церкви в СССР. Авторы констатируют, что в годы непосредственно после Октябрьской революции имел место экзистенциальный конфликт между Русской Православной Церковью и новой советской властью. Однако уже к концу 1920-х гг., в особенности — после знаменитой декларации митрополита Сергия (Страгородского; впоследствии патриарх), произошел переход Церкви на позиции политической (но не идеологической) лояльности к государственной власти.

Затем, в годы Великой Отечественной войны, в условиях ограниченного восстановления приходской жизни Церковь активно искала точки соприкосновения православных христиан и коммунистических идеалов. Перед Церковью возникла задача соединить несоединимое: христианское мировоззрение и советский образ мысли.

Таковыми точками соприкосновения оказались ценности патриотизма, мирной жизни и справедливого общественного устройства. Ярким примером примирения идентичностей, по мнению авторов, являются жизнь и служение свт. Луки (Войно-Ясенецкого), который утверждал, что православный гражданин СССР может и должен быть сознательным советским человеком в вопросах, не касающихся религии¹⁰.

Авторы интерпретировали эту позицию как повсеместную: они приводят ряд высказываний представителей Церкви, в которых подчеркивается значительное соответствие христианской и коммунистической морали: так, упоминается отчет уполномоченного Совета по делам РПЦ по Краснодарскому краю, в котором подчеркивается, как клирики в своих проповедях активно использовали еще живую в прихожанах память об ужасах Великой Отечественной войны, стремление к миру¹¹,

¹⁰ Советская идентичность и проблемы религиозности... С. 210–241.

¹¹ Там же. С. 215.

опубликованное в берлинской печати заявление находящегося в тот момент за границей архиепископа Мстислава (Волонсевича) о противоречии американской политики его религиозному сознанию и желанию вернуться на Родину¹², и даже пропаганда митрополитом Ленинградским инициативы по массовому страхованию имущества как искренне христианского начинания по поддержанию государства¹³.

Отмечается, что важной составляющей в формировании советского патриотизма у будущих клириков была система духовного образования, в которую были внедрены курсы «Конституция СССР», «История СССР», а курс нравственного богословия был дополнен патриотически ориентированными темами. Единственным противоречием между Церковью и партийно-государственным аппаратом СССР, по мнению данных исследователей, оставался вопрос о Боге. Некоторые церковные иерархи пытались рассуждать об атеизме как о некоем историческом недоразумении, вкравшемся в закономерный и прогрессивный процесс построения счастливого будущего.

В главе приводятся факты проявления лояльности Советскому государству со стороны отдельных клириков, на основании которых делается вывод о масштабной трансформации, которую пережила «неписаная социальная доктрина» Русской Православной Церкви, а вместе с ней — и публичная риторика православных клириков в послевоенные десятилетия¹⁴.

С оценками, которые даются авторами в 8-й главе, согласиться, на наш взгляд, трудно. Бесспорно, определенных попыток примирения с официальной властью со стороны Церкви отрицать невозможно. Но подобные действия были частью закономерной стратегии выживания Церкви в изменившихся условиях (и, что характерно, именно так эти попытки характеризовал Институт научного атеизма, что также отмечается авторами (С. 225–226). Приводимый в качестве аргумента факт внедрения в семинарии и академии таких курсов, как «Конституция СССР» и «История СССР», а также проведение в духовных школах лекций и мероприятий патриотической направленности вряд ли доказывает идейную

¹² Советская идентичность и проблемы религиозности... С. 216–217.

¹³ Там же. С. 217.

¹⁴ Там же. С. 224–225, 230.

лояльность государству со стороны Церкви, тем более что в самой монографии отмечается: «указанные предметы носили вынужденный и дежурный характер»¹⁵.

Также относительно выводов данного раздела возникает ряд существенных методологических вопросов. Большая часть доказательной базы представляет собой высказывания одиночных клириков и связанные с ними биографические сюжеты, что не дает возможности воссоздать полную картину и сделать серьезные выводы о процентном соотношении клириков, искренне лояльных государству, и так называемой церковной оппозиции. Относительно упоминаний в печати необходимо принять во внимание тот факт, что голос церковной оппозиции просто не мог звучать в советских СМИ в силу существовавшей цензуры.

Таким образом, достоверность выводов авторов о том, что большинство клириков в позднесоветский период искренне верили в близость советских и христианских идеалов, вызывает определенные сомнения.

Безусловно, является важной для рассмотрения проблема совмещения советской и конфессиональной идентичности православными гражданами Советского Союза. В девятой главе приводятся результаты исследования отношения клириков и рядовых верующих к советским реалиям. В целом, подтверждается ранее описанная тенденция формирования двойственного мировоззрения: многочисленные источники доказывают, что невозможно делить граждан СССР на сугубо принявших советский образ жизни и оставшихся верными консервативной конфессиональной культуре.

По мнению авторов, модификация коммунистического мировоззрения произошла в послевоенный период: православно ориентированные граждане все чаще начинали считать себя советскими людьми, переставали жить в постоянном противопоставлении себя коммунистическим идеалам и учились сочетать православную идентичность с советской. Значительная доля населения увидела в социалистических преобразованиях практическое воплощение христианских ценностей. Церковь выступала для них в роли духовной опоры в новых социальных условиях и источником помощи государству в благих начинаниях. При этом на

¹⁵ Советская идентичность и проблемы религиозности... С. 219.

существование атеизма как элемента официальной пропаганды простые советские верующие не обращали внимания, рассматривая его как некое недоразумение, с наличием которого надо смириться.

Характерно, что в этом разделе авторами не рассматривается вопрос религиозной идентичности диссидентов, в то время как количество православных в их рядах было довольно значимым.

Авторы не обошли вниманием и роль исторической памяти в совмещении православного и «советского», посвятив отдельную главу рассмотрению православия как маркера национальной идентичности русских в советском социуме. «Православное возрождение» после снятия политических ограничений в 1980-е гг. приобрело массовый характер. По мнению авторов, среди простых советских граждан это находило отражение в поиске национальной идентичности, обращении к истории народа¹⁶. Именно этот ретроспективный поворот позволил православию вернуть утраченный за годы антирелигиозной политики статус важной культурной составляющей идентичности русских как народа. Начинает формироваться своего рода мода на православие.

Эта «мода» затрагивает в том числе часть интеллигенции, которая через православие решает возвратиться к своим национальным корням. Посредством литературы интерес к православной культуре проникает во все более широкие слои населения. В качестве яркого примера такой тенденции автор (А. Ю. Бубнов) приводит феномен «православного сталинизма» — появление различного рода легенд, рассказывающих о чудесах, благодаря которым была достигнута победа в Великой Отечественной войне, а также о криптоправославии самого Сталина¹⁷. Эти нарративы служат доказательством того, что самоидентификация советских граждан в качестве православных сохранялась и в советские годы. В период антирелигиозных репрессий такая идентичность существовала в сознании рядовых граждан скрыто, в бессознательном виде, а во время войны она получила возможность высвободиться в полной мере.

Анализируя эту главу, нельзя не отметить, что автор не уделяет внимания важной детали: процесс десекуляризации в СССР начался

¹⁶ Советская идентичность и проблемы религиозности... С. 260.

¹⁷ Там же. С. 270–271.

в 1980-х гг. во многом именно потому, что официальные власти в определенной степени ослабили давление на религиозные институты. Безусловно, автор отмечает, что эти процессы происходят на фоне снятия политических ограничений в 1980-е, но в интерпретации автора это выглядит так, как будто интенция к религиозному ренессансу в простом советском народе существовала постоянно, однако ее развитию мешали политические ограничения. При этом мало значения придается тому факту, что тот же ретроспективный поворот к корням во многом был изначально инициирован именно «сверху», и насколько «мода на православие» могла бы распространиться в позднесоветское время, если бы власти в определенный момент не показывали своими действиями, что отныне возрождение религии возможно, остается только предполагать.

ВЫВОДЫ

По итогам изучения коллективной монографии следует отметить, что вопрос соотношения религиозной и гражданской идентичности в советское время действительно остается крайне актуальным в контексте современной рецепции прошлого нашей страны. Бесспорно, книга интересна большим объемом фактологического материала (в том числе — представленного в приложениях), а попытка взглянуть на проблему с необычной точки зрения — с позиции, утверждающей, что в советское время на низовом уровне в сущности не было жесткого противостояния материалистического и религиозного сознания, — имеет право на существование. И все же с основной мыслью, которая проходит через всю книгу, трудно согласиться. Авторский коллектив подводит читателя к идее, что несмотря на антирелигиозную политику Советского государства, религиозность как часть самоидентификации простых советских граждан, так и не была уничтожена до конца. В качестве обоснования этой идеи приводится целый ряд фактов, свидетельствующих об умении Русской Православной Церкви приспосабливаться к жизни в условиях советской идеологии и формировании у паствы двойственной идентичности «советского православного» человека. Хотя отмеченные тенденции, бесспорно, имели место в указанный исторический период, нельзя гарантировать, что они не были всего лишь локальными явлениями, и, опираясь на

них, неправомерно делать выводы о как таковом отсутствии конфликта советской и православной идентичности у советских граждан. Делать подобные выводы было бы правомерно только лишь на большом объеме фактографических материалов, охватывающих все регионы страны, и при наличии сбалансированной репрезентативной выборки. Более того, в таком случае требовали бы объяснения факты, противоречащие этому утверждению, — а такие факты имели место, и наиболее ярким примером такого конфликта между религиозной и советской идентичностью служило православное диссидентство¹⁸.

Более того, наличие элементов культурной самоидентификации еще не является однозначным критерием принадлежности человека к той или иной конфессии. Безусловно, в современных социальных науках нет единого подхода, на основании которого мы могли бы исчерпывающе разрешить вопрос о религиозной идентичности того или иного индивида, и тем более — социальной группы. В социологии религии принят подход, согласно которому главным маркером принадлежности человека к конфессии является саморепрезентация. Если человек называет себя православным, светскому исследователю этого уже достаточно, чтобы считать его в своем опросе православным. Но если мы взглянем на проблему с позиции теологии — правомерен ли такой подход?

С точки зрения Церкви, для того чтобы говорить о принадлежности человека к православию, нельзя не принять во внимание соответствие его жизни конфессиональным предписаниям — как минимум, речь идет о регулярном приступании к таинствам Исповеди и Причастия. Возможно в качестве дополнительных критериев учитывать знание человеком учения Церкви и соответствие ему жизни этого человека. В советское время вне зависимости от личной самоидентификации населения соответствие этим критериям было затруднительно — так, один только факт радикального сокращения количества храмов и клириков в годы антирелигиозной политики делал проблематичным для большинства людей регулярное

¹⁸ См., напр.: Эллис Д. Русская Православная Церковь. Согласие и инакомыслие. London, 1990. 308 с.; Петров И. В. К вопросу о формировании историографической традиции изучения «православного инакомыслия» // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2019. № 1(3). С. 137–146.

участие в таинствах Церкви, а без этого вопрос идентификации их как православных остается весьма неоднозначным.

ИСТОЧНИКИ

Советская идентичность и проблемы религиозности: православные практики в повседневной жизни граждан СССР в 1940-е — 1980-е гг., ред. А. В. Апанасёнок. Курск: Издательство РОСИ, 2022. 321 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эллис Д. *Русская Православная Церковь. Согласие и инакомыслие*. London: Overseas publishing, 1990. 308 с.

Ellis D. *The Russian Orthodox Church. Consent and Dissent*. London: Overseas publishing, 1990. 308 p.

2. Петров И. В. “К вопросу о формировании историографической традиции изучения «православного инакомыслия».” Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской духовной академии. № 1(3). (2019): 137–146.

Petrov I. “On the Issue of the Formation of a Historiographical Tradition of the Study of «Orthodox dissent».” *Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii*. No. 1(3). (2019): 137–146.

Статья поступила в редакцию: 26.05.2024

The article was submitted: 26.05.2024

Статья поступила в редакцию после доработки: 14.06.2024

The article was revised: 14.06.2024

Статья принята редакцией: 17.06.2024

The article was accepted: 17.06.2024

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОЦАД

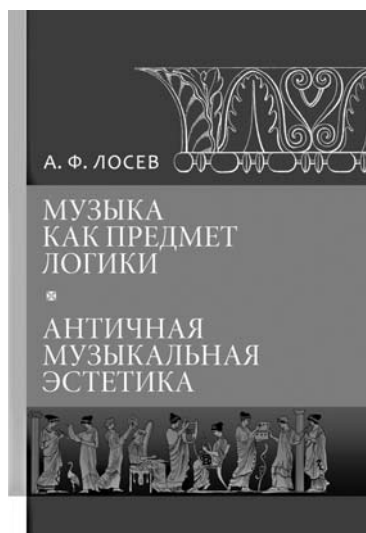
Общецерковная аспирантура и докторантура во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия осуществляет издательскую деятельность. На новом этапе ее приоритетным направлением является издание трудов, носящих научный и научно-образовательный характер, охватывающих различные области гуманитарного знания — классическую филологию, богословские и церковно-практические дисциплины, философию, историю. Особое внимание уделяется публикации десятилетиями не переиздававшихся признанных в академическом сообществе монографий и учебных пособий, а также работ ученых из числа профессорско-преподавательского состава ОЦАД.

НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ ОЦАД

МУЗЫКА КАК ПРЕДМЕТ ЛОГИКИ.
АНТИЧНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ЭСТЕТИКА
А. Ф. ЛОСЕВ

Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики. Античная музыкальная эстетика. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия. 2023. 528 с.

В издание, приуроченное к 130-летию со дня рождения крупнейшего русского филолога и философа XX века, вошли его две ранее никогда не публиковавшиеся под одной обложкой книги: *«Музыка как предмет логики»*, впервые опубликованная в 1927 году, и вышедшая в 1960 году *«Античная музыкальная эстетика»*. В них автор синтезирует и творчески интерпретирует значительный исторический опыт осмысления музыки — от философских взглядов античных времен до современных ему эстетических концепций. Издание сопровождается послесловием специалиста по философии музыки А. Ф. Лосева доктора искусствоведения, профессора и проректора по научной работе Московской государственной консерватории *К. В. Зенкина*. Книга предназначена для философов, эстетиков,

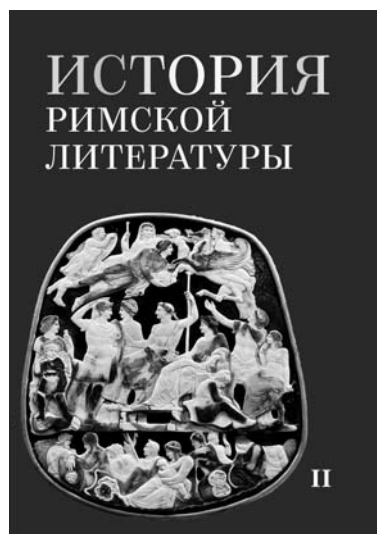
музыковедов, филологов, искусствоведов, культурологов, а также будет полезна читателям, интересующимся историей культуры и эстетической проблематикой.

ИСТОРИЯ РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 2 ТОМАХ ПЕРЕИЗДАНИЕ

История римской литературы: в 2 т. / под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. — М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия, 2023. 1528 с.: ил.

Данный двухтомник является первым переизданием «Истории римской литературы», вышедшей в свет в 1959–1962 годах в Издательстве Академии наук СССР под редакцией С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. Литература римского периода оказала огромное влияние на развитие европейской литературы, которая, по сути, была невозможна без великих идей Античности. Для рассмотрения языковых, жанровых, стилистических и содержательных особенностей составителями были отобраны наиболее существенные, имеющие исключительно важное значение как для истории литературы и латинского языка, так и для истории развития античной мысли в целом литературные — поэтические, риторические, драматические, исторические, научные, философские, сатирические и др. — памятники. В томе I рассматриваются произведения латинских писателей, начиная с III века до н. э. и заканчивая первой половиной I века н. э., т. е. всей эпохи Римской республики и принципата. В томе II рассматриваются произведения латинских писателей с I до V в. н. э., вплоть до падения Западной Римской империи. Среди наиболее крупных фигур в книге представлены Теренций, Цицерон, Юлий Цезарь, Лукреций, Катулл, Вергилий, Гораций, Тибулл, Овидий, Тит Ливий, Сенека, Тацит.

Издание проиллюстрировано изображениями памятников античного искусства из фондов Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге. Исправлены замеченные неточности.

БОГ В РУССКОЙ МЫСЛИ, КУЛЬТУРЕ, ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЫ ЕЖЕГОДНОЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ОЦАД, 2023

Бог в русской мысли, культуре, истории : материалы Ежегодной междисциплинарной научной конференции Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия «Церковь и время». — М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия, 2024. 320.

Издание представляет собой сборник материалов Первой ежегодной междисциплинарной научной конференции ОЦАД «Церковь и время: Бог в русской мысли, культуре, истории», прошедшей в Москве 4–5 апреля 2023 года.

Сборник состоит из разделов: «Бог в русской богословской, философской и церковно-правовой мысли», «Бог в осмыслении исторических судеб России», «Бог в библейских исследованиях, переводах и экзегезе русских ученых», «Образ Бога в русской духовной и светской словесности», «Идеал богоподобия в монашеской традиции Русской Церкви». Авторы статей — видные представители российской церковной и светской науки из столицы и регионов. В книгу включены также вступительное слово ректора ОЦАД протоиерея Максима Козлова и введение научного редактора сборника проректора ОЦАД по научной работе Е. А. Пилипенко.

